

ПУТЕШЕСТВИЯ ВСТРЕЧИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В ОТ уже несколько часов крохотный самолетик, принадлежащий местной компании «Ботс-вана айруэйз», летит из Габелонеса на запад. Летит низко, так что без труда видишь дюны, лишенные воды русла редких рек, песчаные смерчи, поднимающиеся над выжженной землей. Такова Калахари. В самом ее центре, почти у границы с Юго-Западной Африкой, расположен единственный город ботсванской части пустыни — Канзи. Там мы пересаживаемся на «лендровер» и уже без всяких дорог отправляемся искать бушменов.

Отсутствие воды, вечная засуха плюс 40-градусная жара днем и близкие к нулю температуры ночью — вот что делает Калахари непригодной для жизни человека и заставляет обитавшие на ее периферии банту прибавлять к названию этой пустыни эпитет «кхофу» — «страшная». Огромный бессточный бассейн, равный по территории двум Англиям, Калахари не имеет ни одного постоянного водотока. Раскаленный и сухой воздух, пропитанный пылью, почти неподвижен: ветер здесь редкость. Монотонность выгоревшей равнины и наступающих песков создают тяжелое психическое состояние одиночества и потерянности. И только бушмены, эти подлинные дети природы, прекрасные знатоки особенностей пустыни, чувствуют себя в «страшной Калахари» как дома.

Мы набрали на селение бушменов после добрых трех часов скитания по пескам. «Бушмены» — это название целой группы близких племен, обладающих общими антропологическими признаками и этнической близостью. Сами бушмены не употребляют, а зачастую попросту и не знают этого термина. На заданный мною через переводчика вопрос: «Вы бушмены?» — старейшина гордо ответил: «Нет, мы кунг!». Это самое большое бушменское племя, населяющее почти всю западную часть Ботсваны и пограничные с ней районы Юго-Западной Африки. Бушмены до сих пор остаются одним из наименее изученных в Африке народов. В некоторых районах Калахари, где охотятся бушмены, до сих пор не проникнул белый человек.

Язык, вернее произношение, — первое, что поразило меня при знакомстве с бушменами. Разговор их нельзя записать: буквы нашего алфавита не могут передать всего своеобразия звуков, издаваемых бушменами. Они цокают языком и свистят, прищелкивают и хрипят, причем зачастую такой разговор

происходит с закрытым ртом. Многие звуки бушменского языка произносятся только горлом, с участием мышц живота и груди.

Бушмены — низкорослый народ, однако сложены они необычайно пропорционально и гармонично. Благодаря этому их маленький рост не бросается в глаза, как у других древнейших обитателей Африки — пигмеев. Цвет кожи? В Калахари тратят воду на мытье — непозволительная роскошь, и потому «естественные наслоения» несколько затрудняют ответ на этот вопрос. Несомненно, что бушмены гораздо светлее пигмеев и своих соседей банту. У них кожа желтоватого оттенка, свойственная жителям Южной Азии. Об Азии напоминает и строение лица: монголоидный разрез глаз, широкие скулы, немного припухшие веки, чахлые бородки у стариков.

Облик молодых бушменов исполнен обаяния и привлекательности. Но к 35 годам тело бушменских мужчин покрывается глубокими морщинами, кожа обвисает. А женщины? Как непохожи взрослые бушменки на своих очаровательных юных соплеменниц! В результате ненормального питания живот у бушменок постоянно раздут. Стремясь выделить пользующихся у них особым уважением беременных женщин, многие бушменские племена обмазывают их золой или охрой.

НЕМНОГО «БУШМЕНОЛОГИИ»

В последние годы «бушменология» во всем мире развивается необычайно бурно. Однако до сих пор о происхождении этих бродячих охотников можно лишь строить гипотезы и предположения.

В 1870 году безвестный торговец Теофил Хан открыл в Юго-Западной Африке, на скалах у реки Хейчаб, наскальную живопись, сделанную желтой, белой и красной краской. Это было первое знакомство белого человека с древним искусством бушменов. С тех пор одно сенсационное открытие сменяло другое. Стало ясно, что район Калахари — подлинный музей бушменского искусства.

Действительно, засушливый климат пустыни сохра-

ЛЮДИ

нил до наших дней бесценные шедевры, способные пролить свет на историю «племени-загадки». Самые старые наскальные картины бушменских художников изображают мирных людей, животных, сцены охоты. Со временем тематика изображений меняется. Все большее внимание уделяют безвестные живописцы батальным сценам, столкновениям бушменов с воинами-банту. Не позволяло ли это сделать вывод, что бушмены, населявшие ранее обширные пространства Центральной и Южной Африки, были затем вытеснены отсюда более развитыми банту? Спасаясь от них, бушмены ушли в Калахари, чей засушливый климат был естественной преградой для скотоводческих и земледельческих племен банту. Там, в Калахари, в добровольной изоляции от других народов и цивилизаций, они сохранили до на-

ших дней чистоту своей расы, свой первобытный строй и удивительные обычаи.

В какие же времена осели бушмены в Калахари? Пока неизвестно. Ясно лишь одно: это было не 200 и даже не 500 лет назад — слишком хорошо приспособились они к суровым условиям пустыни.

Колонизация Южной Африки бурами и англичанами усилила изоляцию бушменов и привела к резкому сокращению их численности. Белые фермеры часто устраивали на них облавы с собаками, расстреливали население мирных деревень, отравляли водоемы, что приводило к гибели целых племен. В ЮАР и Юго-Западной Африке расистские власти уже в последние годы запретили бушменам охотиться на крупную дичь, практически обрекая их на голодную смерть. Спасаясь от цивилизованных варваров, бушмены бросали обжитые места и богатые охотничьи угодья и уходили в глубь ботсванской Калахари, где их не могли настичь ни ищейки, ни пули, ни законы расистов. Долгое время считали, что бушмены — вымирающий народ. Однако в начале 60-х годов, когда в Калахари одна за другой устремились этнографические экспедиции, стало ясно, что «племя-загадка» выжило. Сейчас численность его оценивается более чем в 50 тысяч человек. Около 35 тысяч живет в Ботсване, остальные — в Юго-Западной Африке и Анголе. Законы и порядки цивилизованного мира практически не распространяются на бушменские районы...

СЕКРЕТЫ СТАРОГО ВОЖДЯ

Согласно местным обычаям, жилище старейшины племени расположено на восточном краю селения, «ближе к солнцу». На скрюченных ветвях дерева, напоминающего наш саксаул, под которым разместились жилище старейшины Цзинчхана, были развешены непонятные вещи.

— Все это помогает нам быть настоящими охотниками, — уклончиво ответил на мой вопрос старейшина.

— А как помогает? — упорствуя я, протягивая ему пачку сигарет. Соблазн был велик. Оглянувшись

беронесе, просматривая в библиотеке парламента Ботсваны литературу о бушменах, я прочитал, что им известно более 80 видов отравляющих веществ. Среди них яды, приготовленные из растений, грибов, личинок насекомых, скорпионов, пауков-землекопов и даже из трупов животных.

Отравленная стрела, пущенная никогда не ошибающейся рукой бушмена, — страшное оружие. Некоторые известные бушменам яды способны за полчаса одолеть слона; лев, раненный стрелой, смазанной гусеничным ядом, умирает в страшных судорогах за две-три минуты. Однако к таким сильнодействующим средствам охотники Калахари прибегают только в целях самозащиты. В обычных случаях, охотясь, они выпускают в антилопу или зебру стрелы с ядом, который действует через полтора-два часа. Жертву не преследуют. Ей дают спокойно умереть, а затем находят по следам крови или пенящейся слюны. Непригодным для еды считается лишь небольшой кусок вокруг раны.

Бушменам известны и противоядия. Они используют множество корней растений и насекомых, успешно борясь с укусами змей и скорпионов, профилактически втирают в сделанные лекарем на животе надрезы сушеные травы-противоядия. Я лично наблюдал, как женщины, отправляясь в пустыню, смазывали себе ноги змеиным жиром, что, по их мнению, предохраняет от укусов. Наслышанный о том, что, вырабатывая у себя иммунитет к укусам, бушмены принимают небольшие дозы змеиного яда, я спросил об этом Цзинчхана.

— Пусть гость сам попробует, — улыбнулся старик и протянул мне коробочку, сделанную из панциря черепахи. Я воздержался от эксперимента.

В землянке Цзинчхана познакомился я и с предками бушменского быта. Ничего не получив от современной цивилизации, это племя полностью обеспечивает свою жизнь, свои потребности за счет окружающей среды. Страусовые яйца, разложенные на полу землянки, заменяют бушменам сосуды для хранения жидкостей, в панцирях крупных черепах держат они сыпучие продукты, панцири поменьше используют как ложки или табакерки. Одеждой служат шкуры диких животных, нитками — специаль-

«СТРАШНОЙ» КАЛАХАРИ

С. КУЛИК

по сторонам и удостоверившись, что большинство соплеменников занято изучением зеркала «лендровера», Цзинчхана подвел меня к дереву.

— Это желудок черепахи, — подавая мне черный сморщенный шарик, объясняет он. — Тот, кто съест его, может легко обходиться без воды и ходить по пустыне много дней. Если же охотник плохо бежит, надо сделать надрез на его ноге и втереть туда порошок, приготовленный из сухожилия антилопы.

— А зачем эта змея, Цзинчхана? — указываю я на высушенную гадюку, также «украшающую» дерево.

— Из нее мы добывали яд для стрел, — ответил он. — А теперь она висит просто так.

Как получают бушмены другие свои яды, мне так и не удалось вывести у Цзинчхана; очевидно, это была настоящая племенная тайна. Уже потом, в Га-

ным образом обработанные сухожилия зебры, иглами — страусовые кости, в которых ушко просверлено каменным ножом. Даже металлическим стрелам, которые в обмен на шкуры, страусовые яйца и черепаховые панцири привозят сюда предприимчивые торговцы-товары, бушмены предпочитают наконецники собственного изготовления, выточенные из рога антилопы. «Они лучше впитывают и сохраняют яд», — объяснил один из охотников.

Неподалеку от землянки вождя небольшая стайка девушек, весело переговариваясь, толкла на большом камне скорлупу страусовых яиц. Несколько не смутившись тем, что я приблизился, одна из юных красавиц встала и, смеясь, надела мне на шею связку маленьких белых колечек — бушменские бусы. Их делают из страусовых яиц, тщательно от-

шлифовывая каждый кусочек скерлупы, придавая ему круглую форму. Затем заостренной костью в центре диска просверливают дырочку и нанизывают на сухожилие. Так же делают серьги, мониста и подвески, которые калахарские модницы укрепляют прямо на волосах, закрывая порой весь лоб. Есть у бушменских женщин и духи; их изготавливают из настоя цветов и трав; есть пудра — толченые семена одного из калахарских растений.

Наступило время еды, и девушки, закопав свои «драгоценности» в песок, побежали к взрослым. Туда же отправился и Цзинчхана, которого позволяли делить саранчу, принесенную женщинами из пустыни.

ТАМ, ГДЕ САРАНЧА — РАДОСТЬ

На небольшой площадке в центре стоянки, где уже дымился костер, собралось все взрослое население — 29 человек, шесть семей. Бушмены редко живут большими группами, поскольку в этих суровых местах много людей не может ни прокормиться, ни обеспечить себя водой.

Внимательно осмотрев кожаные мешки с саранчой, Цзинчхана приказал ссыпать ее в большую кучу, а сам тем временем обратился с чем-то вроде «благодарственной речи» к женщинам, доставшим «так много хорошей, вкусной еды». Затем, взяв большой черепаховый панцирь, служивший, как видно, меркой, он начал раздавать саранчу. Первыми получили свою долю женщины, ее добывшие, потом старики, а затем уже охотники-мужчины. Все проходило тихо, мирно, никто не нарушал очередности. И только получив свою порцию, кое-кто из молодежи начинал весело приплясывать и, не дожидаясь, пока все соберется у очага, поедать любимое лакомство: оторванные у насекомых крылья и лапы — в сторону, а жирное, еще подергивающееся туловище — в рот.

Удивительно знание этими людьми природы, их способность по едва заметным приметам находить себе пищу, воду, браться от пустыни все необходимое. Стройная колонна муравьев, бегущих по песку и исчезающих под землей, означает для бушменов, что в этом месте есть съедобные корни. Небольшая птичка — кцучи, выходящая над кустом, подсказывает им, что где-то рядом гнездо пчел с вкусным медом. Прошел дождь, мутные потоки размывли песок, изменили знакомый бушменам облик местности. Кажется, что можно найти в эти часы в ставшей неузнаваемой, изменившейся пустыне? Но все население стоянки от мала до велика спешит за соседнюю дюну. Там живут муравьи, которые после дождя извлекают для прокушки из-под земли сделанные ими огромные запасы семян. Бушмены собирают эти семена и готовят из них кашу. С той же целью собирают они «бушменский рис» — яйца муравьев и термитов. В пищу идут улитки и гусеницы, съедобные корни и листья, змеи и насекомые.

Несмотря на это, голод — постоянный спутник жителей Калахари. И поэтому, когда охотникам удается подстрелить крупную антилопу или зебру, ее съедают тут же, поглощая за одно пищество по несколько килограммов мяса. Если бы бушмены не обладали такой способностью, они всегда бы рисковали умереть с голоду, так как дичь, которую они убивают, скоро портится и неизвестно, когда антилопа еще подпустит их на выстрел из лука. В этой жизни пиществ и голода на помощь бушменам приходит сама природа. У взрослых

бушменов желудок имеет способность растягиваться, как гармошка.

— Каждый бушмен с малых лет учится искать и находить влагу по различным приметам: растениям, цвету песка, солнцу на его поверхности, — рассказывает Цзинчхана. — Помню, когда я был еще молод, я работал на рудниках в Цумбе. Предприятию нужна была вода, белые начальники много дней рыли пустыню, но ничего не могли найти. Потом об этом узнал я и другие бушмены и показали им, где есть вода, много воды. Большой белый начальник дал нам тогда ящик пива и много табаку...

— Ну а если подземную воду все же не удается найти? — интересуюсь я.

— Тогда бывает плохо, очень плохо, — сокрушенно качая головой, отвечает деревенский мудрец Дзадцно. — Помню, это было в большую жару, когда у меня родился сын. Дождей не было столько времени, что мой сын уже начал ходить, говорить и играть с мальчишками. И тогда Цзинчхана собрал всех людей и спросил: что делать? Мы оставили стариков, которые не могли идти, и ушли далеко, туда, где в больших болотах живут люди окаянго.

Калахари ограничивает и число детей у ее обитателей. В отличие от окружающих африканцев-банту, которые имеют в среднем 10—12 детей, у бушменов, как правило, встречаются семьи лишь с двумя-тремя детьми. Моногамия, распространенная среди бушменов, очевидно, объясняется тем, что женщин у этого народа примерно на 10—15 процентов меньше, чем мужчин. Женский организм тяжелее переносит трудности жизни в пустыне, многие матери умирают после родов. Только в том случае, если жена не может рожать, бушмен приводит в свой дом вторую женщину.

Личные желания, эгоистическое «я», поступки, идущие вразрез с интересами общества, практически отсутствуют у бушменов. Человек, лишенный поддержки своего племени, не может выжить в Калахари. Он должен быть частью коллектива.

— А что вы делаете, если в селении появляется человек, который утаил добычу или не пошел со всеми собирать орехи? — спрашиваю я Цзинчхана.

— Мы попросту не разговариваем с ним, — говорит старик. — Но я помню только один такой случай.

Этот своеобразный воспитательный «бойкот» — сильное наказание, ибо нет бушмена, который может перенести равнодушие и холодность со стороны своих соплеменников.

МИФЫ И ТАНЦЫ КАЛАХАРИ

На огромной территории, населенной бушменами, нет ни одной школы. Их «университеты» — сама жизнь, их «учебники» — древние поэтические сказки и легенды, рассказываемые стариками. По вечерам, когда покончено с охотой и сделаны все хозяйственные дела, у костра Цзинчхана собирается молодежь. Даже наш приезд не нарушил этого обычая. Сначала старейшина расспросил о новостях, похвалил особо отличившихся, пожурил лентяев, а затем начал свой рассказ. Бушменский фольклор — это своеобразный свод знаний о «племенной этике», правилах охоты и поведения, истории народа и его обычаях. Вот один из таких мифов, рассказанных у костра Цзинчхана.

— В старину все люди были бабуинами. Они

жили на деревьях, собирали еду на земле, ни о чем не думали и весело кричали, прыгая с ветки на ветку. Но однажды Великому Духу надоело слушать их крик. Он созвал всех бабуинов и велел им принести воду, много воды, чтобы полить землю. Одни бабуины тотчас же отправились исполнять его волю, а другие продолжали прыгать и веселиться.

Бабуинов, которые первыми начали поливать землю, Великий Дух превратил в людей. Он дал им землю и мотыгу, семена и рабочий скот и сказал: «Вы будете обрабатывать землю, сажать растения и так добывать себе еду. Вы будете земледельцами».

Потом пришли другие бабуины, принесли воду, и Великий Дух тоже превратил их в людей. Он подарил им буйволов и коз, дал пастбища и сказал: «Вы будете разводить животных, и они не дадут вам умереть с голоду. Вы будете скотоводами».

Но остались бабуины, которые не принесли воды и продолжали играть и кричать. Великий Дух созвал их всех и сказал: «Мне надоел ваш крик, и потому я тоже превращу вас в людей. Но вы не принесли воды, не полили сухую землю, не дали взойти на ней семенам, вырасти травам, которые едят звери. Поэтому вы всегда будете жить в пустыне и есть то, что найдете в ней». Так появилось племя кунг и другие народы Калахари.

Великий Дух дал им коренья и насекомых, больших и маленьких зверей, страуса и черепаху, мед и муравьев и много, много другого, что мы едим теперь. От Великого Духа мы получили и яд. Великий Дух позвал змею, взял у нее изо рта маленькую капельку желтой жидкости и помазал ею стрелу. Потом он смастерил лук и выстрелил в дерево. Стрела глубоко впилась в его ствол. «Вы будете стрелять в животных», — сказал он мужчинам. — Если стрела попадет в них, зверь умрет, и вы получите мясо. Охота — дело мужчин». Так люди кунг получили лук и ядовитые стрелы. Так люди кунг стали охотниками.

Потом Великий Дух сказал, что надо уметь женщинам. Он сделал так, что они могут рожать детей. Потом он научил их собирать семена и насекомых, варить из них кашу и искать воду.

И, наконец, Великий Дух научил людей кунг жить. «Если охотник убьет антилопу, он не должен есть ее сам, а должен позвать остальных и поделиться мясом поровну. Тогда, если охотник в следующий раз не найдет антилопы или заболевает, другие люди дадут ему часть своей добычи, и он не умрет с голоду. И если женщина найдет в пустыне куст с ягодами, она не должна его утаивать, а должна позвать есть ягоды всех, потому что, когда один помогает другому, легче жить в пустыне, легче охотиться, легче не умереть от жажды. Помните это, люди кунг, и не деритесь из-за еды, как это делают бабуины. И тогда вы будете настоящими людьми. И тогда вы будете счастливы». Так сказал Великий Дух и ушел наверх.

Цзинчхана было собрано начать новую сказку, но я остановил его:

— Уже поздно, Цзинчхана, а путь предстоит большой.

— Если гость останется у нас еще недолго, мы покажем ему свои танцы. — И, не дожидаясь ответа, старик подозвал к себе мальчиков и что-то сказал им.

В костер подбросили хворосту, трое юношей, поставив прямо у огня обтянутые шкурами барабаны, начали отбивать на них призывную дробь. По-

бросав домашние дела и посадив в кожаные заплечные мешки младенцев, пришли женщины. Запоздывали лишь мужчины, занятые, очевидно, подготовкой к танцу.

Вдруг смолкли барабаны, и над пустыней разнесся протяжный нежный звук. Это заиграли на гауэинге — небольшом музыкальном инструменте, напоминающем лук. Толпа расступилась, и на образовавшуюся перед костром площадку вышли три охотника. Медленно, пружинистым шагом, почти не касаясь земли, они крались вокруг костра, держа перед собой натянутые луки. Зрители замерли, как бы боясь помешать им выслеживать добычу, и только треск костра, бросавшего загадочные блики на обнаженных охотников, нарушал мертвую тишину пустыни. «Это танец охотников и страуса», — шепотом объяснил мне Дзадцно.

Потом с противоположного конца к костру вышли еще трое бушменов, наряженные в шкуры и перья страуса. Их движения настолько точно имитировали повадки птиц, что я невольно вздрогнул. «Так мы иногда охотимся на страусов», — шепнул мне Дзадцно. — Охотник, натянув на себя страусовую шкуру и перья, входит в их стаю, выбирает птицу покрупнее и в упор убивает ее».

Изгибая шею и прихорашиваясь, раздувая перья и подпрыгивая, как это обычно делают самцы страусов, танцоры продолжали свою игру, не обращая внимания на охотников. А те тем временем обошли птиц с другой стороны и, выбрав момент, когда страусы уж слишком увлеклись своим танцем, выпустили в них ядовитые стрелы. В предсмертной агонии, беспомощно хлопая крыльями, упали на землю две птицы; испустив истонный крик, перепрыгнув через костер, скрылась в темноте третья.

Зрители, хранившие до сих пор полное молчание, тоже превратились в действующих лиц. К валявшимся на песке «жертвам» подбегали женщины и начали разделять «туши». Девушки помоложе с криками: «Мясo!», «Много мясo!» — бросились к охотникам, благодаря их за хорошую добычу. Затем последовала сценка приготовления пищи и пиршества. В сущности, здесь каждый играл сам себя; любое движение, роль были взяты из обыденной жизни.

Все сильнее били тамтамы, быстрее кружились у разгоревшегося костра мужчины, поднимая вокруг клубы пыли. Сначала женщины лишь хлопали в ладоши, а затем, взявшись за руки, стали в азартный хоровод. Время от времени какая-нибудь из местных красавиц выбегала в круг, отплясывая соло и возвращаясь к подругам. Большинство женщин надевало себе на руки и на ноги трещотки из высушенной дыни, в которые насыпаны сухие семена или камни. В такт движениям танцовщиц они издавали таинственные щелкающие звуки, вторящие тамтамам. Танец делался все темпераментнее, людьми все больше овладевал азарт.

...Я пробыл у бушменов Калахари всего один день. Но и его было достаточно, чтобы проникнуться уважением к этому смелому и трудолюбивому народу. «Ты не человек, если не полюбил Калахари и если, побывав в ней хоть раз, не хочешь снова вернуться сюда», — гласит бушменская поговорка. Я полюбил пустыню и ее мужественных охотников бушменов. Я уезжал с затаенной надеждой вновь встретиться с моими бушменскими знакомцами, послушать мудрые сказки Цзинчхана, поохотиться вместе с Дзадцно, посидеть у костра и посмотреть удивительные танцы под калахарской лунной...